

ГОРОД БРАНХИДОВ

Для изучения античной письменной традиции об истории Средней Азии и Афганистана очень важен вопрос о городе Бранхидов на границе Бактрии и Согдианы. В настоящее время часть исследователей считает сведения о нем историчными¹, а часть их отвергает².

¹ *Beal S.* Branchidae // *Indian Antiquary.* 1880. P. 68—71; *Cauer F.* Branchidae // *RE.* Bd III, 1. 1899. S. 809—813; *Head B. V.* The Earliest Graeco-Bactrian and Graeco-Indian Coins // *Numismatic Chronicle.* 1906. P. 6; *Rawlinson H. G.* *Bactra. The History*

Задача этой работы и состоит в изучении данной традиции.

О городе Бранхидов, локализуемом во время Александра Македонского в Бактрии — Согдиане, весьма неопределенно в районе реки Окса (совр. Амударья), сообщают Страбон (XI. 11.4), Курций Руф (VII. 5. 28—35), Плутарх (Мог. 557В), Диодор Сицилийский (XIX. 90. 4; краткое изложение недодешших глав XVII книги) и Суда (s. v. Βραχχίδαί). О существовании культа Аполлона Дидимейского в раннеэллинистической Согдиане (жрецами которого были Бранхиды) сообщает также Плиний Старший (NH. VI. 18).

Важным дополнением этой традиции стали дипинты с именами Бранхидов, обнаруженные недавно в Бактрии. Они нанесены черной краской на горловины плоскодонных кушанских амфор, найденных И. Т. Кругликовой в Дильберджине (Северный Афганистан)³, однако ни она, ни В. А. Лившиц не сочли необходимым связать свои чтения с сообщениями античных авторов о городе Бранхидов⁴.

Рассмотрение античной традиции о Бранхидах показывает, что она достаточно подробно излагает четыре наиболее важных периода жизни этого рода. Первый, мифологический период освещает происхождение Бранхидов и историю основания святилища Аполлона в Дидимах Бранхом. Античная историография сохранила две самостоятельные версии о ранней, «мифологической» истории Бранхидов. По первой версии родоначальник Бранхидов дельфийский жрец Махерей был изгнан из святилища за убийство Неоптолема, сына Ахилла, требовавшего у Аполлона удовлетворения за убийство отца. Его кощунственные требования были сопряжены с каким-то святотатством и, по-видимому, посягательством на святыни храма. Павсаний (X. 24. 4) прямо говорит, что жрец заколол Неоптолема. Изгнанный из Дельф жрец учредил новое прорицалище на юге Малой Азии. Оно, видимо, уже существовало к моменту основания Милета, так как Нелей, прежде чем строить Милет, вопрошал оракул Бранхидов⁵. «Бранх, который стоял во главе управления святилища, был потомком Махерея», как об этом свидетельствует Страбон (IX. 3. 9). Он же сообщает и о том, что Бранха полюбил Аполлон (XIV. 1. 5). О древнейшем святилище в Дидимах говорит и Павсаний (VII. 2. 6). По имени Бранха, построившего прорицалище, храм был назван Бранхидами. От Бранха пошел род Бранхидов, предсказания которых успешно соперничали с дельфийским оракулом.

of a Forgotten Empire. L., 1912. P. 33—41; *Narain A. K. Indo-Greeks. Oxf.*, 1957. P. 3—4; *Classen C. J. Branchidae // Lexikon der alten Welt. Zürich*, 1965. S. 494; *Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt*, 1972. S. 144 f.; *Bernard P. L'exil des Branchides en Asie Centrale // Fouilles d'Ai Khanoum. V. IV. MDAFA. T. XXVIII. 1985. P. 123—125*. В последние годы интерес к Бранхидам возрос (подробное рассмотрение см. ниже).

² *Tarn W. W. The Massacre of the Branchidai // Classical Review. 1922. V. 36. P. 63—66; idem. Alexander the Great. V. I. Cambr.*, 1948. P. 67; *idem. Alexander the Great. V. II. Cambr.*, 1950. P. 272—275.

³ И. Т. Кругликова (Дильберджин. Вып. I. М., 1974. С. 79—80. Рис. 49—52) сочла, что дипинты написаны на бактрийском языке. В. А. Лившиц справедливо указал, что надписи следует читать по-гречески, и предложил их чтение (Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976. С. 165: Βροαχχιδ(ων), Βροαχχ(ιδων)=Βραχχιδ(ων). Здесь мог отразиться лишь эпитет Аполлона — Βραχχιος или производное от имени Бранхидов имя владельца амфор, появление которого в Бактрии, отрицающая переселение Бранхидов, трудно объяснить.

⁴ Кругликова. Ук. соч. С. 79—80; Лившиц. Ук. соч. С. 165.

⁵ *Caiger. Op. cit.* S. 809.

Особый интерес должна вызывать другая традиция генеалогии Бранхидов; «Когда мать (Бранха. — *И. П.*) была беременна, (она) имела видение, что солнце вошло ей в рот и вышло из ее лона. Вследствие этого ребенок, который у нее родился, был назван Бранхом, так как солнце прошло через горло матери»⁶. *Х. У. Парк* рассматривает эту легенду как указание на то, что Бранх считался сыном Солнца. Он считает, что поклонение богу Солнца в Дидимах предшествовало появлению там ионийцев и что развитие традиции сделало Бранха потомком дельфийского жреца, а вместо того чтобы считаться сыном Солнца, он стал в греческой мифологии юношей, которого полюбил Аполлон⁷. Можно согласиться с *Х. У. Парком* в том, что традиция культа, которому служили Бранхиды, была дополнена процедурой, разработанной в Дельфах, однако он при этом настаивает на том, что влияние Дельф начало сказываться лишь в процессе реставрации храма Аполлона в Дидимах в конце IV в. до н. э., а это противоречит источникам, свидетельствующим о тесных, а порой и конкурентных отношениях оракулов Дидим и Дельф⁸.

О древности святилища в Дидимах вблизи Милета говорят не только античные авторы, но и материалы раскопок. Во время этих раскопок были открыты посвященные дары, датирующиеся с 600 г. до н. э.⁹

Второй этап уже реальной истории Бранхидов — 600—479 гг. до н. э., период процветания, а затем упадка святилища Аполлона в Дидимах, освещен самыми разнообразными письменными, эпиграфическими и археологическими источниками. Персидские цари Дарий, а затем Ксеркс грабят и сжигают святилище Бранхидов (о Дарии см. *Herod. VI. 19. 25. 32*; ср. I, 92; V. 36; о Ксерксе — *Herod. VI. 18—22*; *Strabo. XI. 11. 4*; *XVII. 1. 43*; *Paus. I. 16. 2*; *VIII. 46. 3*). Эти события датируются соответственно 494 и 479 годами до н. э., причем Ксеркс в 479 г. до н. э. переселяет Бранхидов к берегам далекого Окса (*Strabo. XI. 11. 4*; *Diod. XVII res.*; *Curt. VII. 5. 31—34*; *Plut. Mor. 557B*; *Suda. s. v. Βραρχίδα*).

Как сообщает Геродот, в Дидимейон посылались дары египетским фараоном Нехо (ок. 600 г. до н. э.) и позднее Крезом (ок. 560—547 гг.) (*Herod. II. 159*; I. 92). Примечательно, что дары Креза в точности соответствовали тем, которые он посвятил в Дельфы. Это были одинаковые предметы из золота одного веса. Кроме того Крез подарил храму Бранхидов 10 талантов чистого золота, 226 талантов белого золота (электра), а в целом, по подсчетам современных исследователей это составляет около двух кубометров золотых слитков¹⁰. Фалес Милетский, не менее знаменитый, чем Крез, посвятил Аполлону в Дидимах треножник (около 582 г. до н. э. — *И. П.*) (*Diog. Laert. I. 32*).

⁶ *Parke H. W. The Massacre of the Branchidae // JHS. 1985. 105. P. 60 со ссылкой: Klees H. Die Eigenart des griechischen Glaubens an Orakel und Seher // Tübinger Beiträge. 1966. XLIII. S. 54.*

⁷ *Parke. Op. cit. P. 60.*

⁸ См. дополнительные версии мифа у *Х. У. Парка (ibid.)*. Происхождение дельфийского Смикроса, отца возлюбленного Аполлона, указывает на связь между дидимейским и дельфийским святилищами. *П. Вайцекер* на основании contemporaneous источников прямо указывает на изначальную тождественность культов Бранхидов и дельфийского (*Weizsäcker P. Branchos // RML. T. I. Lpz, 1884—1886. Sp. 816 f.*).

⁹ Об истории, археологии и архитектуре святилища в Дидимах см. *Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 22, 23, 77—79. О раскопках храма см.: Rayet O., Thomas A. Milet et le golfe Latmigue. V. I. P., 1877; Haussoulière B. Etudes sur l'histoire de Milet et du Didyméion. P., 1902 (прочая литература: *Пичикян. Ук. соч. С. 283—290*).*

¹⁰ *Bean G. E. Aegean Turkey. L.— N. Y., 1979. P. 193.*

К. Т. Ньютон, который начал исследование Дидимейона в середине прошлого столетия, нашел по обеим сторонам священной дороги, ведущей к гавани Панорму, архаические статуи Бранхидов, сидящих на тронах, и около 30 надписей бустрофедоном VI в. до н. э.¹¹ Л. Роккетти видит в этих скульптурах влияние древних месопотамских традиций и датирует их по стилю и шрифту надписей VI в. до н. э.¹²

Из сообщения Геродота (VI. 19) явствует, что конкуренция и проперсидская политика Бранхидов породили вражду между двумя самыми могущественными жреческими кланами Эллады; пифийский оракул изрек сохраненное Геродотом предсказание, похожее скорее на проклятие, пообещав Милету гибель от «длинноволосых», т. е. персов. Как сообщает здесь же Геродот, предсказание дельфийского оракула сбылось после победы Дария у о-ва Лада, причем храм и прорицалище были разграблены и преданы огню. Еще в двух местах Геродот также указывает, что Дарий сжег все ионийские города кроме Самоса вместе со святилищами богов (VI. 25, 32). Таким образом, античные авторы свидетельствуют, что Дарий предал огню священные храмовые участки в Милете и Дидимах. Вероятно, основные сокровища Дидимейона были разграблены именно им. Ведь на золото храма знаменитый предшественник Геродота Гекатей предлагал милетцам соорудить флот (Herod. V. 36) и если бы его соотечественники не побоялись святотатства больше, чем персов, то они могли бы нанести им поражение еще при о-ве Лада. Ясно, что персам следовало вывезти сокровища в Сузы, чтобы воспрепятствовать строительству нового флота. Дарий так, по-видимому, и поступил. У Ксеркса мотивы грабежа были иные¹³. Он разграбил храм Бранхидов и другие ионийские храмы из мести за поражение при Микале¹⁴. Как свидетельствует Страбон (XIV. 1. 5), «храм Аполлона был сожжен Ксерксом, подобно прочим святилищам... Бранхиды же передали сокровища бога персидскому царю и бежали вместе с персами, чтобы избежать наказания за святотатство и предательство».

Третий период истории Бранхидов характеризуется восстановлением или обновлением святилища Аполлона в 334 г. до н. э. Каким образом, кем и на чьи средства был восстановлен маленький храм — наискос в Дидимах — неизвестно. Еще до окончательной победы Александра над персами, по-видимому, кто-то из Бранхидов произвел большую работу по его восстановлению. Ясно только, что несмотря на неоднократные разрушения Дарием (в 494 г.) и Ксерксом (в 479 г.), а также бегство Бранхидов прорицалище не утратило своего значения и, как показывают археологические открытия, продолжало функционировать¹⁵. Александр и Селевк в 334 г. побывали на его руинах, видимо, для переговоров о восстановлении громадного храма Аполлона. Собственно, наискос был уже восстановлен: Александр был первым, кому отвечал оракул в новом святилище¹⁶.

¹¹ Newton Ch. T. A History of Discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae. V. II. Londra, 1862. P. 553, 557. Tav. 74—125.

¹² Rocchetti L. Branchidi // EAA. V. II. Roma, 1959. P. 164.

¹³ Храм Аполлона в Дидимах находился в 18 стадиях (ок. 32 км) от Милета (Plin. NH. V. 29, 31). Из него был виден на севере мыс Микале, около которого греки нанесли флоту Ксеркса сокрушительное поражение.

¹⁴ Раскопки в Дидимах подтвердили гибель святилища в начале V в. до н. э. См. Kleine J. Führer durch die Ruinen von Milet — Didyma — Priene. Ludwigsburg, 1980. S. 121.

¹⁵ П. Бернар (Op. cit. P. 124) справедливо отмечает, что находки и надписи из Дидимейона свидетельствуют о быстром возрождении активности святилища.

¹⁶ Gruben G. Die Tempel der Griechen. München, 1966. S. 56 ff.

Обратим внимание на то, как Страбон пересказывает историю пребывания Александра в Дидимейоне, заимствованную им, по его признанию, у Каллисфена: «К этому рассказу Каллисфен прибавляет, подобно трагическому поэту, еще следующее: после того как Аполлон покинул оракул у Бранхидов, с тех пор как святилище было разграблено Бранхидами (которые во времена Ксеркса держали сторону персов), иссяк и источник; однако с прибытием Александра не только источник вновь появился, но и милетские послы доставили в Мемфис много изречений оракула относительно рождения Александра от Зевса, о предстоящей победе около Арбел, кончине Дария и попытках восстания в Лакедемонии» (XVII. 1. 43. Пер. Г. А. Стратановского). В рассказе Каллисфена присутствует сообщение о разграблении святилища Бранхидами во времена Ксеркса. Это свидетельство не единичное — Страбон и в другом месте подробно говорит о причинах переселения Бранхидов Ксерксом (XI. 11. 4). Павсаний также дважды свидетельствует о том, что статуя Аполлона была вывезена Ксерксом из Дидим и возвращена только Селевком (Paus. I. 16. 2; VIII. 46. 3). Здесь важно то, что в рассказе Каллисфена вообще не мог быть упомянут Селевк. Следовательно, сообщения и других авторов легли в основу рассказов Страбона о Селевке и Александре в Дидимах.

Важно подчеркнуть, что для изложения ранней истории Бранхидов ни Страбон, ни Павсаний, ни тем более Геродот, живший намного раньше, не могли пользоваться трудами Каллисфена или Клитарха, которые писали историю эллинистического периода. Даже если допустить, что Каллисфен в своем труде, посвященном деяниям Александра, описал и раннюю историю Бранхидов, то трудно предположить, что этот пассаж мог появиться в том случае, если он не видел Бранхидов в Средней Азии. Источником сообщений о всех четырех периодах истории рода Бранхидов не мог быть один Каллисфен. О Бранхидах писали начиная с Геродота гораздо чаще, чем о других жрецах Малой Азии, так как, по справедливому утверждению Климентя Александрийского, «Дидимейское святилище было одним из знаменитейших оракулов Аполлона» (Protrept. II. 11).

Эпизод о пребывании Александра в Дидимах излагался, очевидно, и более поздними, чем Каллисфен, авторами. Сам факт вопрошения оракула несомненен, однако ответы Александру и Селевку носят отпечаток фабрикация — *vatitinio post eventum*. Одна из версий сообщает, что Селевк был вместе с Александром в Дидимейоне и еще до окончательной победы над Дарием получил предсказание от оракула, которое сбылось дважды: «Не торопись в Европу, в Азии тебе будет лучше». Спустя 28 лет (в 306 г.) он стал царем в Вавилоне и ему подчинялась Азия (Plut. Dem. 18; App. Syr. 55)¹⁷. Селевк, ставший царем, восстановил наос храма Аполлона в Дидимах. В 295 г. он вернул статую Аполлона работы Канаха Сикионского, увезенную Ксерксом (Paus. I. 16. 2; VIII. 46. 3). Когда же Селевк I Никатор перешел Геллеспонт, чтобы захватить власть в Македонии, т. е. ступил в Европу, он был неожиданно предательски убит мечом в спину Птолемеем Керанном (Just. XVII. 1—2; App. Syr. 64). Таким образом, задолго до победы Александра просто полководцу Се-

¹⁷ Есть веские основания полагать, что это и другие (Paus. I. 16. 1) предсказания были сфабрикованы после того, как Селевк стал царствовать в Вавилоне, по крайней мере, не ранее 312 г., т. е. значительно позже смерти Каллисфена. См. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 62—64. В. Гюнтер считает, что в этом предсказании суммированы два пророчества — 312 и 288/7 гг. до н. э. (Günther W. Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit. Eine Interpretation von Stein-Urkunden // Istanbuler Mitteilungen. Beiheft 4. Tübingen, 1971. S. 70 f.).

левку было дано предсказание, и оно сбылось: первый раз, когда он стал царем в Азии, второй — когда ступил в Европу¹⁸.

Четвертый, самый поздний период функционирования оракула в Дидимах освещен Плутархом (Ромр. 24)¹⁹, Лукианом (Алех. 29)²⁰ и Юлианом Отступником. Возможно, что Юлиан возобновил языческое святилище, сам став в нем прорицателем²¹, однако во времена Лукиана (II в. н.э.) оно было еще одним из самых уважаемых и продолжало именоваться Бранхидами.

Сообщения о пребывании рода Бранхидов в Средней Азии имеются у нескольких авторов. Особенно важен отрывок Страбона (XI. 11. 4), в котором он локализует их город вблизи места, где была пленена Роксана и отпразднована свадьба с ней Александра. Еще более конкретны сведения Курция Руфа (VII. 5. 28—35), они снабжены подробностями и заключительным моральным наиданием. В погоне за Бессом Александр, переправившись через реку Окс, подошел к городу Бранхидов. Курций, отметив небольшую величину города, населенного Бранхидами, рассказывает их историю: «Некогда по приказанию Ксеркса, возвращавшегося из Греции, они переселились из Милета на это место в качестве изгнанников, ибо в угоду этому царю осквернили храм, называемый Дидимейон. Они еще не забыли обычаи предков, но говорили на смешанном языке, постепенно отвыкнув от родного. Они приняли царя с радостью и сдались ему со всем городом. Но тот велит созвать милетцев, служивших под его знаменами. Милетцы питали издавна ненависть к роду Бранхидов за их измену. Поэтому царь предоставил милетцам решать их судьбу, учитывая как их вину, так и общее с ними происхождение» (Curt. VII. 5. 28—30). Действительно, Александр, не имевший на то юридических прав, никогда не судил греков. Даже Каллисфена, обвиненного в заговоре против царя, он собирался судить в Греции, так как грек был не подвластен суду македонян (Plut. Alex. 55; Arr. IV. 14. 1—4). Если первая часть рассказа Курция не вызывает сомнения, то заключение, включающее и нравоучение Курция, содержит одну лишь правдоподобную деталь, в остальном оно сильно преувеличено: «Так как мнения милетцев разделились, Александр сам решил участь ионийцев». Зверства македонцев в городе Бранхидов, описанные Курцием Руфом, якобы превзошли по свирепости самые жестокие побоища за период похода Александра. Кроме грабежа, истребления всех жителей до единого, в том числе тех, кто прикрывался священными покрывалами, стены города разрушаются до основания, а в священных рощах и лесах выкорчевываются деревья, «чтобы на этом месте была обширная пустыня с бесплодной землей, лишенной даже корней деревьев» (Curt. VII. 5. 31—34). За описанием всех

¹⁸ По свидетельству Диодора Сицилийского, Селевк I сам разглашал пророчество, изреченное ему в Дидимах, о том, что оракул провозгласил его царем (XIX. 90. 4). Следующее за диадохами (Селевком I и Птолемеем I) поколение эпигонов создавало оракулы значительно более решительно и свободно даже не для легитимизации своей власти, а для собственного прижизненного обожествления. Для этого они даже не считали обязательным прибегать к прорицателю.

¹⁹ Из рассказа Плутарха явствует, что в начале I в. до н. э. Дидимское святилище вновь стало одним из богатейших и вошло в число «неприкосновенных» (т. е. пользовавшихся правом асии). — *И. П.*) до того времени, пока его не ограбили пираты. Архитектурное убранство Дидим I в. до н. э. — I в. н. э. обновляется с небывалой ранее роскошью.

²⁰ Прямое указание Лукиана: «К храму святому Бранхидов приблизился, внемли изреченью» (пер. Д. Сергеевского).

²¹ *Cauer. Op. cit. S. 813 со ссылкой: Julian. Ep. LXII. P. 451.*

этих неправдоподобных бесчинств следует мораль, выдающая критическое отношение самого Курция или его источника к Александру: «Если бы все эти меры были приняты против самих изменников, то они показали бы справедливой мстью, а не жестокостью, теперь же вину предков искупили потомки, которые даже не видели Милета, а потому и не могли предать его Ксерксу» (Curt. VII. 5. 35). Расправа с Бранхидами вызывает еще большее сомнение из-за спешки Александра, преследовавшего Бесса. Далее Курций (VII. 5. 36) рассказывает о походе войска к Танаису, во время которого был захвачен Бесс.

Плутарх (Мог. 557В) также сообщает о том, что Александр «разрушил город Бранхидов и совершенно уничтожил всех тех, прадеды которых предали милетский храм». Из этого свидетельства Плутарха следует факт разрушения города, но уточняется как будто, что избиению подверглись лишь те, прадеды (προπάπων) которых предали милетский храм. Так оно, возможно, и было: истреблению подвергся, вероятно, род Бранхидов («прикрывавшийся священными покрывалами», по Курцию). Вряд ли Александр истреблял и остальных жителей города, предки которых не имели никакого отношения к предательству.

Четвертым автором, рассказавшим всю историю переселения Бранхидов, был Диодор Сицилийский. Сохранилось краткое содержание его частично утраченной XVII книги, из которого явствует, что Бранхиды, исстари переселенные на границы Персидского царства, были убиты Александром как предатели по отношению к грекам (ως προδοτάς τῶν Ἑλλήνων).

В Лексиконе Суда первой половины X в. н.э., составленном на основе сочинений древних грамматиков, схолий и словарей, освещена лишь поздняя история рода Бранхидов (s. v. Βραρχίται). В отличие от Стефана Византийского (s. v. Δίδυμα) у Суда отмечен лишь переход их на службу Ксеркса, который завершается их истреблением в глубинах Азии. Свидетельство Суда достаточно подробно мотивирует жестокость Александра по отношению к Бранхидам, «совершившим худшее предательство» (χακίστης προδοσίας). Александр всех жителей перебил (ἀπέκτεινε) и уничтожил «псевдоназванный город» (ψευδώνυμος πόλις). Под псевдоназванным городом имеется в виду город Бранхидов, который, по мнению Александра, не имел права так называться.

Все пять свидетельств о городе Бранхидов на границе Бактрии и Согдианы самостоятельны и отличаются своеобразием, заключающимся в приведении одной или двух деталей, подчеркивающих независимость каждого из авторов. Как показывают источники, несмотря на бегство Бранхидов из святилища Дидим с войсками Ксеркса (479 г.) прорицалище там возобновилось и храм функционировал еще несколько столетий после Александра. «Истребление» Александром рода Бранхидов не помешало их потомкам сохранить свой культ в Бактрии и Согдиане, как об этом свидетельствуют вышеупомянутые дипинти: «Бранхидов» — Βραρχιδ(ών), а также жертвенники Аполлону Дидимейскому, поставленные Демодамом за Яксартом в период совместного правления Селевка и его сына Антиоха I (Plin. NH. VI. 18).

Теперь перейдем к рассмотрению точки зрения тех, кто отвергал историчность античной традиции. У. Тарн рассматривал историю Бранхидов в Бактрии дважды. В первый раз в 1922 г. он «осмеливался думать, что Александр никогда не встречал никого из Бранхидов»²². В 1948 и 1950 г. неудовлетворенный, по-видимому, первым результатом Тарн вер-

²² Tarn. The Massacre... P. 63—66.

нулся к этой теме, чтобы аргументировать свою точку зрения по поводу Бранхидов, и вторично пришел к отрицательному мнению, считая историю выдуманной Каллисфеном и Клитархом²³. Тарн выдвинул целый ряд аргументов против достоверности источников о существовании города Бранхидов в Согдиане. Он выделил в сообщениях Страбона и Курция первоисточники — Каллисфена и Клитарха. Собственно, Каллисфена как свой источник в одном случае назвал сам Страбон, но, судя по его ироническому отношению к Каллисфену и Онесикриту, он пользовался несомненно в свидетельствах о Бранхидах и источниками, внушающими ему большее доверие.

Основным аргументом против историчности переселения Бранхидов для Тарна служит текст Геродота, сообщения которого якобы вообще противоречат возможности такого переселения. Остальные же источники согласно говорят о Бранхидах в Согдиане или Бактрии. Тарн не обратил внимания на то, что античным авторам сообщение Геродота не казалось противоречащим их собственным утверждениям, а Геродота они знали не хуже, чем мы. Тарн вообще отвергает все перипетии, связанные с Бранхидами, утверждая, что раз (согласно Геродоту) Дарий ограбил храм Дидим в 494 г., то Ксеркс не мог ограбить его спустя 15 лет в 479 г., «и, таким образом, избиение Бранхидов исчезает из истории навсегда»²⁴. Вывод этот, однако, кажется преждевременным. Имя Бранхидов упоминалось не раз за прошедшие после Геродота 25 столетий, и, если раскопки в Бактрии будут продолжаться, то найденные надписи могут оказаться не единственными. Чувствуя неубедительность одного этого довода, Тарн пытается увидеть и другие противоречия в источниках. Версии поздних авторов, как им показано, восходят к разным первоисточникам, что, вопреки его мнению, скорее доказывает их достоверность. Одна из версий восходит к Каллисфену, который утверждал, что Аполлон покинул Дидимы, так как во времена Ксеркса Бранхиды предали храм. Священный источник иссяк, однако снова стал функционировать при Александре, и милетцы передали последнему оракул о его божественном происхождении, о предстоящей победе около Арбел, смерти Дария и восстании в Лакедемоне (Strabo. XVII. 1. 43)²⁵.

Поскольку история Бранхидов у Каллисфена рассказывается вместе с пророчеством Александру, Тарн считает, что Каллисфен после смерти Дария III якобы сам придумал пророчество и историю Бранхидов. Однако, как показал он сам, существовала независимая от Каллисфена традиция о Бранхидах. Автор приходит к выводу о том, что вторая версия истории избиения Бранхидов идет от Клитарха²⁶. Помимо двух версий Тарн выявляет и два разных подхода в отношении к убийству Бранхидов у авторов переложений: одобрительное и отрицательное. Страбон прославляет действия Александра, с отвращением относящегося к святотатству и предательству, что, как считает Тарн, свидетельствует о заимствовании у Каллисфена. Кроме того, Страбон почти никогда не использует Клитарха²⁷. Версия, заимствованная у Клитарха, по Тарну, сохранилась лишь у Курция, поскольку этот сюжет у Диодора потерян и упомянут лишь в про-

²³ *Idem.* Alexander... V. I. P. 67; V. II. P. 274 f.

²⁴ *Ibid.* V. II. P. 274. Not. 2.

²⁵ *Ibid.* P. 274.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Ibid.* § E. P. 53. За исключением случаев, указанных Тарном (*ibid.* P. 274. Not. 2).

логе, а у Трога — Юстина опущен. При этом Клитарх, как это ему свойственно, порицает Александра²⁸.

Рассмотрение точки зрения Тарна приводит к тому выводу, что его уточненное выявление первоисточников, к которым восходят версии авторов переложений, лишь подтверждает истинность существования в Согдиане или Бактрии, а скорее на границе между этими двумя областями, города Бранхидов. Добавим только, что Страбон помимо Каллисфена (которого он высмеивает за его выдумку с дидимейским источником) рассказывает о городе Бранхидов, ссылаясь и на другие свидетельства, при этом без всякой иронии. Кроме того, Каллисфен, участвовавший в походе Александра и побывавший в городе Бранхидов, если такой существовал, мог придумать историю с источником, но не мог, побывав в Бактрии и Согдиане и не обнаружив города Бранхидов, связывать пророчество в Дидимах со столь очевидной ложью, бросающей тень на важное пророчество. Что же касается фокуса с источником, забившим при появлении Александра, то изобретателем его, несомненно, были жрецы, а не Каллисфен. Последнего можно лишь упрекнуть за доверчивость или участие в распространении ложных сведений, а вовсе не в святотатстве. И история с источником, и пророчества Аполлона широко рекламировались и дошли до Мемфиса через храмовых посланников раньше Александра. Ни Александр, ни Селевк не допустили бы при своей жизни оскорбительного отношения к пророчествам, сулящим им царства в Азии. Наоборот, они всячески способствовали пропаганде этих пророчеств. Известны их благодарственные приношения за эти прорицания: крупные подарки, восстановление разрушенного святилища и строительство Аполлону новых храмов. Рассмотрение вопроса о достоверности существования города Бранхидов в Бактрии следует завершить заключительными словами самого Тарна по поводу приведенных источников: «ни одна история не была полностью лживой»²⁹. В данном случае это совершенно оправдано и подтвердилось археологическими находками.

Критика теории Тарна в резкой форме была высказана в 1957 г. А. К. Нарайном³⁰, который рассматривает ее исходя из своей концепции о существовании тесного этнокультурного единства греков и иранцев в Верхних сатрапиях еще до прихода Александра Великого³¹. Анализируя античные тексты, он приходит к выводу, что доводы Тарна не убедительны, и нет никакого основания сомневаться в достоверности истории Бранхидов, рассказанной Курцием и подтвержденной другими источниками. Нарайн помещает город Бранхидов между Балхом и Самаркандом. Ко времени прихода Александра, по его мнению, Бранхиды были двуязычны и частично дезлинизированы, однако все еще привязаны к своим традициям. Принимая сообщение Курция полностью и понимая его буквально, автор пишет, что «Александр, как сумасшедший, разрушил город и перебил его жителей за деяния их предков»³². Нарайн признает заслуги Тарна в указании неточности в источниках, однако не считает возможным считать их «нелепой подделкой». Кроме прямых указаний античной и индийской традиции (о яванах) Нарайн приводит известные сведения о ссылках ионийцев, дионисийских греческих триб и баркийцев в Бактрию и вслед за Х. Д. Роулинсоном считает Верхние сатрапии районом, кото-

²⁸ Ibid. § E.

²⁹ Ibid. P. 275.

³⁰ Narain. Op. cit. P. 3—4.

³¹ Ibid. P. 4—6.

³² Ibid. P. 3.

рый использовался персидскими царями (как и русскими во времена Роулинсона) в качестве места ссылки, вроде Сибири³³. В дополнение к сообщениям авторов о колониях греков в Нисе и греков ливийского города Барки (Arr. V.1—2; Herod. IV. 204) Нарайн приводит и данные нумизматики в подтверждение историчности контактов греков Малой Азии и Афин с Бактрией до прихода Александра³⁴.

В последние годы история Бранхидов рассматривалась неоднократно. Во всех известных мне исследованиях доводы Тарна сочтены неубедительными. Особую ценность представляет последняя из прижизненных работ Х. У. Парка, где он исследует историю рода Бранхидов в обоих регионах — Малой Азии и Бактрии.

Решительно отстаивая историчность античной традиции о Бранхидах, автор приходит к выводу о следующих причинах их «избиения» Александром. В качестве вероятной не исключается версия Каллисфена: ужас от предательства и святотатства Бранхидов. В то же время возможно и «подогревание чувств» национального греческого единства — «крестовый поход» как месть за Греко-персидские войны (то же подчеркивалось при сожжении Персеполя двумя годами раньше), как месть Ксерксу, который сжег греческие храмы. Кроме того, избиение Бранхидов могло произойти в угоду новой милетской демократической партии и нового жречества восстановленного храма, чтобы бактрийские Бранхиды не вернулись домой и не предъявили свои древние права на святилище. Бактрийские Бранхиды были дискредитированы и потому непригодны для нового оракула в Дидимах «как сомнительные полувосточные обитатели», предки которых были скомпрометированы³⁵.

Нельзя не согласиться с Парком, что избиение Бранхидов вписывается в картину трагических эпизодов, которые начались с казни Филота, убийства Пармениона, а затем продолжились убийством Клита и заговорщиков-пажей (в том числе и прославленного историка Каллисфена³⁶). Ф. Л. Холт не сомневается в историчности традиции о Бранхидах и в том, что «путем голосования они были приговорены к избиению, а их имущество разграблено»³⁷. По его мнению, Тарн и следовавшие за ним исследователи «отбросили этот эпизод вообще». Тарн, пытаясь «обелить» Александра, заявил, что якобы Каллисфен изобрел эту историю, а Клитарх позже украсил ее³⁸. Его аргументам Холт противопоставил упоминания Геродота (IX. 99, 104) о том, что милетяне предали и погубили персидское войско после битвы при Микале в 479 г. до н.э. Очевидно, замечает Холт, Милет был снова заселен после 494 г., и знаменитый храм был вновь восстановлен, так же как это было во время Александра и Селевка. Полемику о Бранхидах автор завершает следующими выводами³⁹. Ни одно из опровержений Тарна не убедительно. Абсолютно реально, что Бранхиды, так же как и баркийцы, были депортированы в Бактрию — Согдиану. Если Бранхиды были в Согдиане, то нет причин сомневаться в том, что они подверглись избиению. Достоинно внимания сообщение Курция (VII. 5. 30—31) о том, что царь старался еще больше, чем его армия, уничтожить Бранхидов. Избиением Бранхидов Александр подтвердил панэллинскую

³³ Ibid. P. 2—4; Rawlinson. Op. cit. P. 32.

³⁴ Narain. Op. cit. P. 4—6.

³⁵ Parke. The Massacre... P. 68.

³⁶ Ibid.

³⁷ Holt F. L. Alexander the Great and Bactria // Supplements to Mnemosyne. № 104. Leiden, 1988. P. 52, 55 ff.

³⁸ Ibid. P. 74 f.

³⁹ Ibid.

природу своего похода, кроме того, этим актом он декларировал ту абсолютную власть над своими азиатскими подданными, которые поступали к нему на службу как преемнику Дария. Холт вслед за Парком считает необходимым вписать это избиение в «картину трагических эпизодов» (казнь Филота, убийство Пармениона, заговор пажей). Однако справедливо, по-видимому, и то, что ни греки, ни азиаты совершенно не были довольны позицией Александра по отношению к Бранхидам. Холт, как и Парк, считает важным учитывать общественное мнение жителей Малой Азии, где новое жречество в древнем храме не желало возвращения «варваризованных» Бранхидов. Таким образом, исследователь трактует историю Бранхидов в традиционном русле доверия к источникам, единогласно сообщающим об избиении Бранхидов в Бактрии — Согдиане.

Чрезвычайно интересна также работа П. Бернара, в которой он отметил заслуги исследования Тарна, указав на уязвимые места его аргументации⁴⁰. Доводы Бернара, опровергающего критику Тарна, достаточно убедительны. Во-первых, сообщение о грабеже 494 г. прямо не засвидетельствовано Геродотом, лишь указывающим на предсказание об установлении власти персов над Милетом. Во-вторых, не исключена возможность того, что сокровища Дидимейона были расхищены дважды: сначала Дарием — основные ценности, затем Ксерксом — все остальное. В-третьих, не все перипетии Дидимейона в нужной степени освещены историческими источниками. В-четвертых, вотивная гирия, отлитая в форме астрагала из бронзы с начертанной на ней посвятителю надписью Аполлону Дидимейскому, вовсе не обязательно была взята при грабеже 494 г. (если таковой имел место); она вполне (и даже скорее всего) могла быть взята при повторном изъятии сокровищ и вотивов⁴¹.

Благодаря исследованию Бернара можно предположительно реконструировать историю похищения сокровищ Дидимейона следующим образом. Не исключено, что Дарий в 494 г. отправил переселенцев и награбленные сокровища в Месопотамию, а Ксеркс в 479 г. переселил Бранхидов в Среднюю Азию. Как поступил Ксеркс с храмовыми сокровищами Бранхидов, неясно. Возможно, что основная их часть была конфискована в царскую казну и осталась в Сузах или Экбатанах, о чем имеются свидетельства Страбона и Павсания. Напомним, что Селевк вернул в Дидимы (в благодарность за предсказание об его успехах в Азии) статую работы Канаха, увезенную Ксерксом (Paus. I. 16. 2; VIII. 46. 3). Не исключено, однако, что предметы, необходимые для жертвоприношений, были оставлены наследственному роду жрецов — Бранхидам, утвердившим на новой родине в Согдиане культ Аполлона Дидимейского.

Мы не стали бы вместе с Бернаром только привлекать сообщение Ктесия, и тем более с исправлением С. Ройса (Дельфы, разграбленные Ксерксом, по Ктесию, заменены им на Дидимы), для того, чтобы увеличить количество источников, свидетельствующих об ограблении Дидим. Тарн справедливо отвергал эту произвольную трактовку текста Ктесия, сообщение которого о приказе Ксеркса разграбить именно храм Аполлона в Дельфах кажется правдоподобным. Оно подтверждается и прямым указанием Павсания (на которое Ройс и Бернар не обратили внимание) о том, что «храм (в Дельфах. — И. П.) был ограблен частью войска Ксеркса» (X. 7. 1). Ктесий, если уж его привлекать, лишь подтверждает, что Ксеркс проводил враждебную по отношению к греческим храмам политику после

⁴⁰ Bernard. Op. cit. P. 123.

⁴¹ Ibid. P. 124.

своего поражения в Греко-персидской войне. Бернар привел другой отрывок Павсания (VIII. 46. 3) в подтверждение того, что Ксеркс, мстя милетянам за поражение, увез статую Канаха, которая была культовым изображением Аполлона. У Павсания есть еще и третье свидетельство: «Селевк возвратил Бранхидам медного Аполлона, увезенного Ксерксом в мидийские Экбатаны» (I. 16. 2). Бернар, в противоположность Тарну, приходит к выводу, что добровольный отъезд Бранхидов в обозе персов, отнесенный к 479 г., не представляется невероятным. К этому он добавляет, ссылаясь на Геродота (IV. 200—204; VI. 19), что Центральная Азия при Ахеменидах была страной для высылки переселенцев, которая практиковалась Дарием, поэтому существует достаточно причин, чтобы считать возможным переселение Бранхидов в Согдиану. Однако Бернар, не убежденный в реальности изгнания Александром Бранхидов в Согдиане, пишет: «Если они там были, то эти свидетельства в равной степени можно принять или отвергнуть»⁴².

С большой осторожностью Бернар отнесся не столько к прочтению имени Бранхидов В. А. Лившицем, сколько к сохранению рода Бранхидов на протяжении столь длительного времени: «Мы плохо представляем себе, — пишет он, — как потомки Бранхидов, предполагая, что изгнание Александром не имело места, могли выжить более шести веков, сохранив свои преимущества, если бы они не находились под его (Александра) покровительством. Точно так же надо предположить, что они (Бранхиды) перешли с правого на левый берег Окса»⁴³.

Нам представляется возможным отнестись с большим доверием к письменной традиции и к дипинти с именем Бранхидов (даже в несколько искаженном виде). Вспоминая еще раз историю рода Бранхидов, следует обратить внимание на утверждения, что они были основателями и жрецами культа Аполлона по крайней мере с самого начала функционирования святилища. Этот древний род оказался не менее жизнеспособен, чем другие династии жрецов в Греции или магов в Иране. Нет ничего невероятного в том, что если они просуществовали до Александра, то род их был столько же известен и после него (об этом есть свидетельства Лукиана и Юлиана Отступника). Их город стоял недалеко от берега Окса, рядом с крепостью Окса (Strabo. XI. 11. 4). Если святилище Бранхидов действительно существовало в Бактрии или Согдиане, то это был не городской, а общебактрийский храм. В таком случае имена Бранхидов могли получить такое же распространение, как и производные от Окса имена, известные достаточно длительное время и широко распространенные⁴⁴.

Наиболее наглядным примером может послужить археологическая параллель длительности культовой традиции, прослеженная нами в храме Окса в Тахти-Сангине (Северная Бактрия), построенном в конце IV, самое позднее в III в. до н.э., который продолжал функционировать несмотря на нашествия кочевников и в кушанский период. Не было бы удивительным, если бы среди многочисленных посвящений кушанского времени было найдено аналогичное греческому посвящение Оксу, сделанное кушанами⁴⁵. Во всяком случае, кушане шестьсот лет спустя после осно-

⁴² Ibid. P. 125.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Оксебоак, Оксубадз, Оксудат, Оксарт (Оксатр, Оксютр). См.: Rapin C. Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Ai Khanoum (Afghanistan) // BCH. 1983. CVII. 1. P. 326, 341. Fig. 22; Grenet F. L'onomastique iranienne à Ai Khanoum // Ibid. P. 374 ff., 380 f.

⁴⁵ Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84—110.

вания храма Окса жертвовали в храм Окса клады монет с именами царей (Канишки и Хувишки), датированные приблизительно тем же временем, что и амфоры с именами Бранхидов в Дильберджине. Впрочем, есть еще более удивительная параллель длительности существования культов в Центральной Азии — гемма кушано-сасанидской эпохи IV в. н.э., находящаяся теперь в Британском музее. Хотя предложенные ранее чтения считаются ныне ошибочными: вместо «Вахш — единственный бог» читают «Повелитель Вахша, сын Лога», тем не менее А. Бивар и Ф. Грене относят первое имя все же к известной многочисленной серии теофорных имен, образованных от имени бога Окса⁴⁶.

Завершая рассмотрение античной традиции о Бранхидах, следует заметить, что каждое из событий их истории разные авторы освещают не только по-своему, но и акцентируя различные мотивы, пользуясь при этом разными терминами. Остается фактом, что не только история храма Аполлона в Дидимах, но и вообще история рода потомственных жрецов Бранхидов была одной из самых распространенных тем в античной историографии. Как бы ни трактовались уникальные дипинты на кушанских амфоровидных сосудах, они содержат имена Бранхидов или производные от них, появившиеся в Бактрии вместе с переселенцами — Бранхидами и просуществовавшие несколько столетий, — иных производных в греческом языке нет⁴⁷. С другой стороны, изложенная история Бранхидов показывает: в какой бы форме ни высказывалось доверие или скепсис к многоголосой письменной античной традиции — рассмотрение ее с разных точек зрения оказывается продуктивным.

И. Р. Пичикян

⁴⁶ Grenet. Op. cit. P. 381 (см. библиографию по этому вопросу и указание на то, что гемма хранится в Британском музее, а не в Калькуттском). Опубликованный Р. Гиршманом оттиск геммы переиздан: Bivar A. D. H. // Corpus Inscriptionum Iranicarum. T. III. V. VI. P., 1968. Taf. II, 2.

⁴⁷ Недавно я ознакомился с аналогичным мнением Парка: имя Бранхос почти уникально в греческой ономастике и мифологии. В классический период им не нарекались отдельные частные лица. Кроме того Парк, основываясь, по-видимому, на прямом указании Квинтилиана (Inst. Orat. II. 3), считает, что βράχος было формой произнесения (вещания) пророчества, используемых предсказателями, а потому сделалось титулом самих предсказателей (Parke. The Massacre... P. 59 f. Not. 5). То же самое см. у Вайцкепера: «Der Name Branchos deutet seine Thätigkeit als Prophet» (Op. cit. S. 817).

THE CITY OF THE BRANCHIDS

I. R. Pichikyan

The author examines in great detail the millennial history of the Branchids, a hereditary clan of priest tending the famous temple of Apollo in Didymi, near Miletus. The history of this clan is essential to an understanding the political and religious life, not only of Ionia but of Bactria too. Close analysis of the sources helps to put right a series of contradictions and misunderstandings that were the result of a selective approach to classical tradition, which shed ample light on the four periods of the Branchids' history.

The Branchids, who had been exiled to Bactria by Xerxes, were slaughtered by Alexander the Great near the river crossing on the right bank of the Oxus. Modern scholars disagree with the excessive criticism of W. Tarn, who considered the meeting between the Branchids and Alexander to be an invention of Kallisthenes; Strabo borrowed the episode from Kallisthenes, and Cleitarchus — from Curtius Rufus. However, according to the text, Strabo had other sources besides Kallisthenes. Another important fact is that

the story of the Branchids' slaughter was not only reported by Strabo (XI. 11.4) and Curtius Rufus (VII. 5. 28—35), but also by Plutarch (Mor., 557B), Diodorus Siculus (res. XVII) and Soudas (s. v. Βραρχίδαι). Obviously, classical authors drew their respective versions of the event from various sources and, not only do they each interpret it in their own way, they also attribute Alexander's cruelty to different motives, furnishing us with various details, terms and epithets. This is evidence enough that there was an abundance of primary sources.

The author does not see any contradictions in the incredible, by modern standards, vitality of the Branchids. The temple of Apollo near Miletus was plundered twice, once by Darius and once by Xerxes. But the practice of soothsaying was resumed despite the priests being exiled to Bactria, and the Branchids in Didymi continued soothsaying under Alexander and Seleucus, and even during the reign of Lucian and Julian the Apostate. The eastern branch of the Branchids was no less active.

The altars to Didymean Apollo were built on both the Northern and Southern borders of Sogdiana (Plin. NH. VI. 18). I. T. Kruglikova found some dipinti on Kushan amphorae, carrying the name of the Branchids, in Dilbergin (Northern Afghanistan). These were of a votive character. The reading of the dipinti put forward by V. A. Livshits is that they are a rarity from the point of view of the classical Greek language because they can have no other possible interpretation and b) that these inscriptions could not have appeared in Bactria had the Branchids not been in the region. Therefore, these dipinti can be regarded as additional, this time «archaeological» proof of the reliability of classical tradition in matters concerning the Branchids in Bactria. The episode with the Branchids in Bactria is not an invention of classical authors, which, according to W. Tarn, should be forever excluded from the annals of history. It is not impossible that the excavations on the banks of the river Oxus will provide us with additional information on the Branchid presence in Bactria. The longevity of the cult of Apollo in Trasoxiana is comparable to that of Oxus—Vahsh on the banks of the Amudary.
